

Пять поросят

Автор:

[Агата Кристи](#)

Пять поросят

Агата Кристи

Агата Кристи. Любимая коллекцияЭркюль Пуаро #26

К знаменитому сыщику Эркюлю Пуаро обращается молодая женщина по имени Карла, мать которой шестнадцать лет назад была осуждена за убийство собственного мужа. Ныне Карла собирается выйти замуж и опасается, что дела давно минувших лет могут разрушить ее личную жизнь. При этом она утверждает, что мать никогда не стала бы лгать ей. А та еще шестнадцать лет назад сказала, что невиновна... Пуаро, увлеченный сложностью загадки, берется за дело – и выясняет, что подозревать в убийстве можно еще пять человек. И хотя прошло столько времени, а вина матери Карлы считается доказанной, мощный интеллект Пуаро берется за работу...

Агата Кристи

Пять поросят

Стивену Глэнвиллу

Agatha Christie

Five Little Pigs

* * *

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Five Little Pigs Copyright © 1942 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

The Agatha Christie Roundel Copyright © 2013 Agatha Christie Limited. Used by permission.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Карла Лемаршан

Эркюль Пуаро посмотрел на вошедшую в комнату женщину оценивающе и с любопытством.

В письме, которое она написала ему, не было ничего примечательного. Всего лишь просьба о встрече; никакого намека на причину, лежавшую за обращением. Короткое и деловое. Лишь твердый почерк, указывавший на то, что Карла Лемаршан – молодая женщина.

И вот она здесь собственной персоной – высокая, стройная, лет двадцати с небольшим. Женщина из тех, на которую оглянешься дважды. Одета со вкусом – дорогие, хорошего кроя пальто и юбка, шикарный мех. Благородная посадка головы, пропорциональный лоб, тонкий, аккуратный нос и решительный подбородок. Очень энергичная, живая, и именно эта живость более, чем красота, прежде всего привлекала внимание.

До ее прихода Эркюль Пуаро чувствовал тяжесть лет – теперь же он будто помолодел, оживился и прибодрился.

Выходя навстречу посетительнице, детектив поймал ее пристальный, изучающий взгляд. Она наблюдала за ним со всей серьезностью.

Молодая женщина села и приняла предложенную им сигарету. Минуту или две курила, продолжая задумчиво смотреть на него.

– Да, нужно определиться, не так ли? – мягко спросил Пуаро.

Карла вздрогнула.

– Прошу прощения?

Голос у нее был приятный, с легкой, ничуть его не портящей хрипотцой.

– Не правда ли, вы сейчас решаете, кто я – шарлатан или человек, который вам нужен?

– Да, вроде того... Видите ли, месье Пуаро, вы не вполне соответствуете моему представлению о вас.

– Старик, да? Старше, чем вы думали?

– Да, и это тоже. – Она замялась. – Скажу прямо. Я хочу... мне нужен... лучший.

– Можете быть уверены: я – лучший!

- От скромности вы не умрете. И все же... пожалуй, я поймаю вас на слове.

- Здесь ведь, знаете ли, важны не мускулы, - спокойно заговорил Пуаро. - Мне не нужно наклоняться и измерять следы, собирать окурки и изучать примятые травинки. Достаточно сесть в кресло и подумать. Оно здесь, - он постучал пальцем по голове, вытянутой формой напоминавшей яйцо, - то, что работает!

- Знаю, - сказала Карла Лемаршан. - Потому и пришла к вам. Видите ли, я хочу, чтобы вы совершили нечто фантастическое!

- Это я вам обещаю. - Пуаро ободряюще посмотрел на посетительницу.

Женщина перевела дух.

- Я не Карла. Мое имя - Каролина. Как и у моей матери. Меня называли в ее честь. - Она помедлила. - И хотя я всегда называлась Лемаршан, моя настоящая фамилия - Крейл.

Пуаро на секунду нахмурился, словно в замешательстве, потом пробормотал:

- Крейл... Я, кажется, припоминаю что-то...

- Мой отец был художником, - сказала посетительница. - Довольно известным художником. Некоторые даже называли его великим. Я думаю, он таким и был.

- Эмиас Крейл? - спросил Пуаро.

- Да. - Она помолчала, потом добавила: - И мою мать, Каролину Крейл, судили за его убийство.

- Ага. Помню, да, но только смутно. Я находился тогда за границей. Это ведь было давно...

- Шестнадцать лет назад. - Девушка побледнела, и глаза ее будто вспыхнули. - Вы понимаете? Ее судили и признали виновной... Но не повесили - нашли какие-то смягчающие обстоятельства - и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Она умерла через год после суда. Понимаете? Все кончено... дело

закрыто...

- И?.. - тихо произнес Пуаро.

Девушка, назвавшаяся Карлой Лемаршан, сцепила пальцы и заговорила - медленно, сбивчиво, но с удивительной выразительностью, подчеркивая едва ли не каждое слово.

- Вы должны понять, что привело меня сюда. Когда это... случилось, мне было пять лет. Слишком маленькая, чтобы что-то знать. Я помню, конечно, мать и отца, помню, как меня вдруг забрали из дома и увезли в деревню. Помню свиней и симпатичную толстушку - жену фермера. Помню, что все относились ко мне хорошо, хотя и поглядывали порой как-то странно, исподтишка, будто со мной что-то не так. Я это чувствовала, но не знала, в чем дело.

А потом меня посадили на корабль. Путешествие было долгое и интересное. Я оказалась в Канаде, где меня встретил дядя Саймон. Я жила с ним и тетей Луизой в Монреале и помню, что, когда спрашивала про папу и маму, мне говорили, что они скоро приедут. Наверное, я как-то забыла о них; знала только, что они умерли, но не помнила, кто сказал мне об этом. К тому времени я уже не думала о родителях и была очень счастлива. Дядя Саймон и тетя Луиза относились ко мне по-доброму. Я уже пошла в школу, обзавелась друзьями и забыла, что когда-то носила другую фамилию, не Лемаршан. Тетя Луиза объяснила, что в Канаде у меня такая фамилия, и это не показалось мне странным. В конце концов я даже забыла, что когда-то меня звали иначе.

Она с вызовом вскинула подбородок.

- Посмотрите на меня. Ведь правда - согласитесь? - встретив меня на улице, вы бы подумали: вот девушка, которой не о чем беспокоиться! Я обеспечена, у меня прекрасное здоровье, довольно привлекательная внешность, могу наслаждаться жизнью... В двадцать лет не было на свете девушки, с которой я хотела бы поменяться местами.

Но, знаете, я стала задавать вопросы. О моих родителях. Кто они такие, чем занимались? Рано или поздно я все узнала бы. Но дядя с тетей сами сказали правду, когда мне исполнился двадцать один год. Им пришлось это сделать, во-первых, потому, что я должна была вступить в наследство. А потом... было еще

письмо. Письмо, написанное матерью перед смертью и адресованное мне.

Лицо ее изменилось, помрачнело. Глаза уже не горели, как угольки, а темнели, как два тенистых озера.

– Так я и узнала правду – мою мать обвинили в убийстве. Это было ужасно.

Она помолчала.

– Должна сказать вам кое-что еще. Я обручена. Нам сообщили, что нужно подождать, потому что я не могу выйти замуж до двадцати одного года. Узнав все, я поняла, почему.

Пуаро пошевелился и впервые подал голос:

– И как принял это известие ваш жених?

– Джон? Ему все равно. Он сказал, что для него это не имеет никакого значения. Мы с ним – Джон и Карла, а прошлое не важно.

Девушка подалась вперед.

– Мы всё еще обручены. Но все равно... Знаете, это важно. Важно для меня. И для Джона тоже. Дело не в прошлом – в будущем. – Она сцепила пальцы. – Видите ли, мы хотим детей. Оба. И не хотим видеть, как наши дети растут в страхе.

– Вы же понимаете, что у каждого среди предков были люди, совершавшие насилие и творившие зло?

– Разумеется, это так. Но обычно об этом никто не знает. Мы – другое дело. Для нас все ясно. И иногда я ловлю на себе взгляд Джона. Такой быстрый, украдкой... Предположим, мы, уже поженившись, однажды поссоримся, и вот я замечу такой вот взгляд и... что?

– Как погиб ваш отец? – спросил Пуаро.

Голос Карлы прозвучал ясно и твердо.

– Его отравили.

– Понятно.

Некоторое время оба молчали, потом девушка произнесла спокойным, суховатым тоном:

– Слава богу, что вы – здравомыслящий человек. Вы понимаете, что это важно и что из этого следует. И не пытаетесь отделаться утешительными словами.

– Я очень хорошо все понимаю, – сказал Пуаро. – Мне только непонятно, что вам нужно от меня?

– Я хочу выйти замуж за Джона, – спокойно ответила Карла Лемаршан. – И выйду! И хочу, чтобы у нас было по меньшей мере два мальчика и две девочки. А вы позаботитесь о том, чтобы это стало возможным.

– Хотите, чтобы я поговорил с вашим женихом? Ах нет, что я говорю, какие глупости... Вы предлагаете нечто совершенно другое. Скажите же, что у вас на уме.

– Послушайте, месье Пуаро. Поймите – и чтобы все было ясно, – я намерена нанять вас для расследования убийства.

– Вы имеете в виду...

– Да, я имею в виду именно это. Дело об убийстве есть дело об убийстве, независимо от того, случилось оно вчера или шестнадцать лет назад.

– Но, моя дорогая...

– Подождите, месье Пуаро. Вы еще не всё знаете. Есть один очень важный пункт.

– Да?

– Моя мать невиновна, – сказала Карла Лемаршан.

Пуаро потер нос.

– Ну, разумеется. Я понимаю...

– Это не сантименты. Есть ее письмо. Она оставила его мне перед смертью. Письмо полагалось передать, когда мне исполнится двадцать один год. Моя мать написала его с одной целью – чтобы я была совершенно уверена: она этого не делала, она невиновна. Чтобы у меня не было ни малейших сомнений. Вот и всё.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на девушку, со всей серьезностью смотревшую на него.

– Tout de meme...[1 - И все же... (фр.)]

Карла улыбнулась.

– Нет, мама была не такая! Вы думаете, она могла солгать? Солгать ради меня? – Девушка подалась вперед и с чувством заговорила: – Послушайте, месье Пуаро, есть вещи, которые дети очень хорошо понимают. Я помню мать – воспоминания, конечно, бессвязные, но я хорошо знаю, что за человек она была. Она не кривила душой – даже во благо. Если что-то могло причинить боль, мать так и говорила. Зубной врач или заноза в пальце – такого рода вещи... Правда была для нее естественным импульсом. Не думаю, что я так уж сильно любила ее, но доверяла. И сейчас верю ей! Если она говорит, что не убивала отца, значит, не убивала. Она не стала бы писать заведомую ложь, зная, что умирает.

Медленно, почти неохотно, Эркюль Пуаро кивнул.

– Вот почему для меня не проблема выйти замуж за Джона, – продолжала Карла. – Я знаю, что все будет хорошо. Но он не знает. Для Джона вполне естественно, что я считаю свою мать невиновной. Вот в чем должна быть полная ясность, месье Пуаро. И вы это сделаете!

– Даже при условии, что все сказанное вами – правда, – медленно сказал детектив, – не забывайте, мадемуазель, что прошло шестнадцать лет.

– О! Конечно, будет нелегко! Кроме вас, с этим никто не справится!

Глаза у Пуаро едва заметно блеснули.

– Вы мне льстите, да?

– Я слышала о вас. О ваших делах. О том, как вам это удастся. Вас ведь интересует психология, не так ли? А она со временем не меняется.

Вещественные улики исчезли – окурки, следы на земле, примятые травинки... Их вы больше не найдете. Но можно изучить факты и, не исключено, поговорить с людьми, которые были там тогда – они все живы, – а потом, как вы только что сказали, сесть в кресло и подумать. И тогда вы узнаете, что случилось на самом деле...

Пуаро поднялся, пригладил рукой усы.

– Мадемуазель, вы оказали мне честь! Я оправдаю вашу веру в меня. Я проведу расследование. Я изучу события шестнадцатилетней давности и отыщу истину.

Карла тоже поднялась. Глаза ее сияли. Но произнесла она только одно слово:

– Хорошо.

Пуаро покачал указательным пальцем.

– Один только момент. Я сказал, что отыщу правду. Вы же понимаете, что я не допущу предвзятости и не приму на веру ваши уверения в невинности вашей матери. Если она виновна – eh bien[2 - Ну хорошо (фр.)], что тогда?

Карла гордо вскинула голову.

– Я – ее дочь. И мне нужна правда!

– Тогда – en avant[3 - Вперед (фр.)]. Хотя нет, не так. Наоборот. En arri?re...[4 - Назад (фр.)]

Часть первая

Глава 1

Адвокат

– Помню ли я дело Крейла? – повторил сэра Монтегю Деплич. – Конечно, помню. И очень даже хорошо. Весьма привлекательная женщина. Но, однако, неуравновешенная. Не умела себя контролировать. – Он искоса взглянул на Пуаро. – А почему вы спрашиваете?

– Из интереса.

– Не очень-то тактично с вашей стороны, мой дорогой. – Деплич блеснул зубами в своей знаменитой, напоминающей волчий оскал, улыбке, повергавшей, как поговаривали, свидетелей в ужас. – Успеха, знаете ли, оно мне не принесло. Оправдательного приговора я не добился.

– Знаю.

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Я, разумеется, не обладал тогда таким опытом, каким обладаю сейчас, однако же, полагаю, сделал все, что было в человеческих силах. Невозможно добиться многого, если с тобой не сотрудничают... И все же нам удалось заменить смертную казнь тюремным заключением. Многие уважаемые дамы, матери и жены известных людей выступили с соответствующим обращением. В обществе к ней отнеслись с большим сочувствием.

Он откинулся на спинку кресла и вытянул длинные ноги. Лицо его приняло выражение, характерное для человека рассудительного, привыкшего принимать взвешенные, хорошо обдуманые решения.

– Если б она застрелила его или даже ударила ножом, я представил бы случившееся как непредумышленное убийство. Но отравление... нет, здесь возможностей для маневра мало. Это сложно... очень сложно.

– Какую версию предлагала защита? – спросил Пуаро. Он знал ответ на свой вопрос, поскольку уже прочел газеты того времени, но решил предстать перед сэром Монтегю полным невеждой.

– Самоубийство. Единственный возможный вариант. Но неубедительный. Крейл был человеком совершенно иного склада! Вы, полагаю, не были с ним знакомы? Нет? Так вот, мужчина он был яркий, вспыльчивый, своенравный. Отчаянный волокита, большой любитель пива – и прочее в этом духе. Охотник до плотских утех. Трудно убедить присяжных, что такой вот человек способен просто взять и ни с того ни с сего свести счеты с жизнью. Картина не складывается. С самого начала было ясно, что дело – безнадежное. К тому же и она ничем не помогла! Мне стало ясно, что мы проиграли, как только она заняла свое место на скамье подсудимых. Даже не попыталась бороться. Но тут уж ничего не поделаешь – если не вызываешь клиента к барьеру, присяжные делают собственные выводы.

– Вы это имели в виду, когда говорили, что невозможно добиться многого, если с вами не сотрудничают? – спросил Пуаро.

– Именно это, мой дорогой друг. Мы, знаете ли, не волшебники. Исход судебной баталии наполовину зависит от того, какое впечатление обвиняемый производит на присяжных. Я сам не раз становился свидетелем того, как они выносили вердикт, прямо противоположный смыслу напутственного слова судьи. «Он это сделал, точно» – вот такая точка зрения. Или: «Не делал он ничего такого – не верю!» Каролина Крейл даже не пыталась бороться.

– Но почему?

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Не спрашивайте, не знаю. Конечно, она его любила. Когда пришла в себя и поняла, что сделала, ее это надломило. Думаю, она так до конца и не оправилась от шока.

– То есть, по-вашему, она виновна? – уточнил Пуаро.

– Э... – На лице Деплича отразилось легкое недоумение. – Да... Я полагал, мы принимаем это как само собой разумеющееся.

– В разговорах с вами она хотя бы раз призналась, что виновна?

– Конечно, нет, – растерянно произнес адвокат. – Видите ли, у нас есть свой кодекс. Мы исходим из предположения, что клиент невиновен. Вижу, вас заинтересовал этот случай... Жаль, нельзя поговорить со стариком Мейхью. Материалы по тому делу для меня готовила их контора. Старик Мейхью рассказал бы вам больше, чем я. Но его с нами уже нет, ушел в мир иной... Есть, конечно, его сын, молодой Джордж Мейхью, но он в то время был совсем еще мальчишкой. Столько лет прошло...

– Да, знаю. Мне еще повезло, что вы помните так много. У вас замечательная память.

– Запоминаются, знаете ли, большие дела, – пробормотал Деплич, явно польщенный похвалой. – Особенно те, где речь шла о смертной казни. И, конечно, дело Крейла широко освещалось в прессе. Любовные отношения всегда вызывают интерес. В той истории участвовала девушка, весьма привлекательная. Мне она показалась крепким орешком.

– Простите, если я покажусь чрезмерно назойливым, – сказал Пуаро, – но позволю себе повториться: вы действительно не сомневались в виновности Каролины Крейл?

Деплич снова пожал плечами.

– Откровенно говоря, как мужчина мужчине, – не думаю, что есть какие-то сомнения. Да, она это сделала.

– Обвинение располагало уликами против нее?

– И весьма серьезными. Прежде всего у нее был мотив. Последние годы они жили как кошка с собакой, непрерывно ссорились. Крейл постоянно связывался с какими-то женщинами. Ничего не мог с собой поделаться. Такой уж был человек. Вообще-то она держалась молодцом. Делала скидку на его темперамент – а художником он и впрямь был первоклассным. Между прочим, работы его с тех пор сильно выросли в цене. Сам я к такого рода живописи равнодушен – безобразная экспрессия... но хороша – в этом сомневаться не приходится.

Так вот, как я уже говорил, время от времени у них случались проблемы из-за женщин. Миссис Крейл была не из тех тихонь, что страдают молча. Так что да, скандалили они частенько. Но в итоге увлечения проходили, и он всегда возвращался к ней. Хотя последний роман сложился иначе. Девушка была еще юная, всего лишь двадцать... Звали ее Эльза Грир. Единственная дочь какого-то йоркширского промышленника. Денег и решительности ей было не занимать, и она точно знала, чего хочет. А хотела она Эмиаса Крейла. Добилась, чтобы Крейл взялся писать ее портрет. За парадные, типа «Миссис Блинкети Бланк в атласе и жемчугах», он не брался – только жанровые. Не думаю, что среди женщин было бы так уж много желающих – он ведь их не щадил! Но за портрет этой девицы, Грир, Крейл взялся, а закончилось все тем, что он влюбился в нее без памяти. Мужчина под сорок, давно в браке – самое время выставить себя посмешищем из-за какой-нибудь девчонки... Вот тут и подвернулась Эльза Грир. Крейл потерял голову, задумал развестись и жениться на ней. Каролина, разумеется, терпеть такое не стала. Пригрозила – чему были два свидетеля, – что убьет его, если он не образумится. И, как оказалось, совсем даже не шутила!

За день до того, как все случилось, они пили чай с соседом. А он, между прочим, собирал целебные травы и готовил дома лекарственные настойки. Среди прочих использовал и цикуту, или болиголов крапчатый. В разговоре речь зашла и об этом растении и его смертоносных свойствах.

На следующий день сосед заметил, что содержимое бутылки с конином, ядом, получаемым из болиголова, уменьшилось наполовину. Встревожился, забеспокоился, поднял шум. Почти пустой флакон нашли потом в комнате миссис Крейл, в ящике комода.

Пуаро заерзал в кресле.

- Флакон могли подложить.

- Нет! Каролина призналась полиции, что сама его взяла. В высшей степени неразумно, но адвоката с ней тогда еще не было, и должного совета она просто не получила. Ее спросили насчет яда, и она откровенно призналась, что сама его взяла.

- Но зачем?

- Заявила, что намеревалась покончить с собой. Но объяснить, как флакон оказался пустым и как случилось, что на нем отпечатки только ее пальцев, не смогла. Это обстоятельство сильно усугубило ее положение. Каролина утверждала, что Эмиас покончил с собой. Но если б он выпил содержимое флакона, который она прятала в своей комнате, то на стекле остались бы не только ее, но и его отпечатки.

- Ему ведь дали яд в пиве?

- Да. Каролина взяла бутылку из холодильника и сама отнесла ее в сад, где он работал. Налила в стакан, подала ему и смотрела, как он пьет. Потом все отправились на ланч, а Эмиас остался один - он часто так делал, не приходил к столу. Какое-то время спустя миссис Крейл и гувернантка обнаружили его уже мертвым. Каролина утверждала, что в пиве, которое дала она, яда не было.

Наша версия сводилась к тому, что Эмиас осознал свою вину и, терзаясь муками совести, сам выпил отраву. Вздор, конечно, полный - не такого склада он был человек! А решающую роль сыграли отпечатки пальцев - неопровержимая улика.

- На пивной бутылке нашли ее отпечатки?

- Нет, только его, да и те вызвали сомнение. Видите ли, пока гувернантка ходила за доктором, Каролина оставалась у тела одна. Должно быть, вытерла бутылку и стакан, а потом прижала к бутылке его пальцы. Хотела представить дело так, что сама ни к чему не притрагивалась. Да только фокус не удался. Старина Рудольф - он выступал обвинителем на процессе - знатно повеселился, наглядно показав в зале суда, что при таком положении пальцев удержать бутылку человек не мог! Мы, конечно, пытались это опровергнуть, доказав, что

пальцы Крейла были сведены судорогой и потому могли находиться в неестественном положении, но, откровенно говоря, выглядело это не очень убедительно.

– Кониин, должно быть, попал в бутылку до того, как миссис Крейл отнесла ее в сад.

– Никакого кониина в бутылке не было вообще. Только в стакане... – Сэр Монтегю осекся – его выразительное, с крупными чертами лицо внезапно изменилось – и резко повернул голову. – Подождите-ка, Пуаро. Вы к чему это клоните?

– Если Каролина Крейл была невиновна, то как кониин попал в пиво? Защита в то время утверждала, что яд в пиво влил сам Эмиас Крейл. Но вы говорите, что это в высшей степени маловероятно, и в этой части я с вами согласен; не того склада он был человек. Но тогда, если и Каролина этого не делала, кто же это сделал?

– Да будь оно проклято, – чуть ли не брызжа слюной, воскликнул старый адвокат. – Что толку хлестать мертвую лошадь... Все давно закончилось, прошли годы. Конечно, это сделала она. Вы и сами это поняли бы, если б увидели ее в то время. У нее на лице все было написано! Мне даже показалось, что вердикт она встретила с облегчением. Без страха. Спокойно. Как будто хотела, чтобы суд поскорее закончился и все завершилось. Очень смелая женщина...

– И тем не менее, – вставил Пуаро, – перед смертью она написала для дочери письмо, в котором торжественно заявляла о своей невиновности.

– Да, написала, – согласился сэр Монтегю. – И мы с вами сделали бы то же самое на ее месте.

– Ее дочь говорит, что мать не стала бы лгать.

– Дочь говорит... ха! Она-то что об этом знает? Мой дорогой Пуаро, во время процесса дочери было... четыре... или пять лет? Ребенок. Девочке дали другое имя и отправили к родственникам, куда-то за границу. Что она может знать или помнить?

- Дети иногда очень хорошо разбираются в людях.
- Может быть, и так, но здесь не тот случай. Естественно, девочка хочет верить, что мать ничего такого не делала. Пусть верит. Разве от этого кому-то хуже?
- Да, но она требует доказательств.
- Доказательств того, что Каролина Крейл не убивала своего мужа?
- Да.
- Что ж, - сказал Деплич, - она их не получит.
- Думаете, не получит?

Знаменитый королевский адвокат задумчиво посмотрел на собеседника.

- Всегда считал вас порядочным человеком, Пуаро. Что вы делаете? Пытаетесь заработать, сыграв на понятных чувствах дочери к матери?
- Вы не знаете девушку. Она особенная. Девушка с очень сильным характером.
- Да, зная Эмиаса и Каролину Крейл, могу представить их дочь. Чего она хочет?
- Она хочет правды.
- Hmm... боюсь, правда придется ей не по вкусу. Честно говоря, не думаю, что здесь есть какие-либо сомнения. Каролина убила своего мужа.
- Извините, мой друг, но мне нужно убедиться в этом самому.

- Не представляю, что еще можно сделать. Прочитайте газетные отчеты о ходе процесса. Со стороны обвинения выступал Хамфри Рудольф. Он уже умер. Так, а кто был его помощником? Молодой Фогг, кажется... Да, точно, Фогг. Поговорите с ним. А потом - с теми, кто был там тогда. Вряд ли кому-то понравится это копание в грязном белье, но смею предположить, то, что нужно, вы из них

вытянете. Вы же хитрый дьявол.

- Ах да, свидетели... Это важно. Может быть, помните их?

Деплич задумался.

- Подождите-ка... давно это было... Собственно, отношение к этой истории имели пять человек. Прислугу я в расчет не беру - люди пожилые, преданные, напуганные всем случившимся, - они ничего не знали.

- Итак, пять человек, вы говорите. Расскажите мне о них.

- Во-первых, Филипп Блейк. Лучший друг Крейла, знал его всю жизнь. Был в то время в доме. Жив. Встречаю его иногда на поле для гольфа. Живет в Сент-Джордж-Хилл. Биржевой маклер. Играет на рынке, и пока удачно. Успешный человек, слегка склонный к полноте.

- Так. Кто следующий?

- Старший брат Блейка. Сельский сквайр. Домосед. Из дома выходит редко.

В голове у Пуаро звякнул колокольчик. Он приказал ему умолкнуть. Нельзя постоянно думать о детских стишках. В последнее время они стали каким-то наваждением. Но звонок не умолкал.

Первый поросенок на рынок пошел,

Второй поросенок дома остался...

- Дома остался, да? - пробормотал он.

- Тот самый, о котором я вам рассказывал... тот, который возился с травами и настоями... В некотором смысле химик. Такое у него хобби. А звали его... Как же его звали? Такое литературное имя... Да, вспомнил. Мередит. Мередит Блейк. Даже не знаю, жив он или нет.

- Кто следующий?

- Следующий? Да, источник всех неприятностей... Та самая девушка, Эльза Грир.

- Третий поросенок наелся до отвала, - пробормотал Пуаро.

Деплич недоуменно посмотрел на него.

- Да уж, - сказал он. - Девушка оказалась не промах. Трижды побывала замужем. Каждый брак заканчивался разводом. И каждое новое замужество оказывалось лучше предыдущего. Сейчас она - леди Диттишем. Откройте любой номер «Татлера», и вы непременно ее там найдете.

- А еще двое?

- Была гувернантка. Как звали, не помню. Приятная, знающая свое дело женщина. Томпсон?.. Джонс?.. Что-то вроде этого. И была девочка, сводная сестра Каролины Крейл. Ей тогда лет пятнадцать исполнилось. С тех пор она сделала себе имя. Занимается раскопками, бывает в разных далеких странах. Уоррен, вот как ее зовут. Анжела Уоррен. Весьма интересная молодая женщина. Встретил ее на днях.

- Значит, она не тот поросенок, который заплакал?

Сэр Монтегю посмотрел на Пуаро с некоторым сомнением и сухо сказал:

- Плакать ей есть о чем. Изуродована на всю жизнь. Ужасный шрам на лице. Ей... Впрочем, вы сами все узнаете.

Пуаро поднялся.

- Благодарю, сэр Монтегю. Вы были чрезвычайно любезны. Если миссис Крейл не убила своего мужа...

- Убила, старина, - перебил его Деплич. - В том-то все и дело. Вы уж мне поверьте.

– ...логично будет предположить, – словно не заметив вмешательства отставного адвоката, продолжал Пуаро, – что это должен был сделать один из этих пяти.

– Полагаю, один из этих пяти мог это сделать, – с сомнением заметил Деплич. – Но не понимаю, зачем. Абсолютно никаких причин! Скажу так: я совершенно уверен, что никто из них этого не делал. Выбросьте эту мысль из головы, старина!

Но Эркюль Пуаро лишь улыбнулся и покачал головой.

Глава 2

Обвинитель

– Виновна на все сто, – коротко заявил мистер Фогг.

Пуаро задумчиво посмотрел на худощавого, чисто выбритого барристера[5 - Барристер – юрист (адвокат), ведущий дела в суде.].

Квентин Фогг, королевский адвокат[6 - Королевские адвокаты – особая категория юристов, назначаемых короной.], являл собой совершенно иной, в сравнении с Монтегю Депличем, тип личности. Воля, магнетизм, властолюбие, напор были сильными качествами Деплича. Эффекта в суде он достигал за счет резкой и драматической смены образа. Только что обаятельный, вежливый, любезный – и вдруг почти магическое превращение: оскал, жесткая усмешка – тот же человек жаждет вашей крови.

Квентину Фоггу, бледному и худощавому, определенно не доставало качеств сильной личности. Вопросы он задавал тихим, невыразительным голосом, но при этом был настойчив и последователен. Если Деплича можно было сравнить с рапирой, то Фогга – со сверлом. Он сверлил и сверлил, монотонно и упрямо. Не достигнув вершины славы, Фогг тем не менее заслужил репутацию первоклассного юриста. Свои дела он обычно выигрывал.

– Стало быть, вот какое впечатление произвело на вас это дело? – сказал Эркюль Пуаро, задумчиво глядя на адвоката.

Фогг кивнул.

– Видели бы вы ее на скамье подсудимых. Старик Хамфри Рудольф – а главным обвинителем, как вы знаете, выступал он – просто сделал из нее отбивную. Отбивную! – Он помолчал, потом неожиданно добавил: – Но в целом все прошло слишком уж легко.

– Не уверен, что вполне понял вас...

Фогг свел к переносице свои тонко очерченные брови. Изящные пальцы коснулись безусой верхней губы.

– Как бы яснее выразиться... Это типично английский взгляд на вещи. «Не стреляй по сидящей птице» – вам понятен смысл такого выражения?

– Да-да, как вы сказали, типичная для англичан точка зрения. Но думаю, что я понял. И в Центральном уголовном суде, и на спортивной площадке Итона, и в охотничьих угодьях для англичанина важно, чтобы жертва имела свой шанс.

– Совершенно верно. Так вот, в данном деле у обвиняемой не было ни единого шанса. Хамфри Рудольф делал с ней все что хотел. Первым вопросы задавал Деплич. Она стояла такая покорная, как... как девочка на празднике, и выдавала выученные наизусть ответы. Сама такая смиренная, предложения такие правильные, но все вместе совершенно неубедительно! Говорила то, чему ее научили. Но и Деплича нельзя винить. Этот старый шут сыграл свою роль отменно, но в любой сцене нужны два актера, в одиночку не вытянешь. А она ему не подыграла, не поддержала. На присяжных такое ее поведение произвело наихудшее впечатление. Потом поднялся старина Хампи. Вы ведь видели его при жизни? Большая потеря. Отбросил мантию, покачнулся на каблуках и – вперед! Говорю вам, он сделал из нее отбивную. Подводил то туда, то сюда, и каждый раз она попадала в подготовленную им ловушку. Он заставил обвиняемую признать абсурдность ее собственных показаний, заставил противоречить себе, так что она увязала все глубже и глубже. И закончил в своем обычном стиле – неоспоримо и убедительно: «Я полагаю, миссис Крейл, что ваша история о краже яда с целью самоубийства лжива от начала до конца.

Я полагаю, что вы украли кониин, чтобы дать его вашему мужу, собиравшемуся уйти от вас к другой женщине, и что сделали вы это намеренно». Миссис Крейл – такое очаровательное, нежное создание – посмотрела на него и сказала: «О нет, нет, я этого не делала». Это прозвучало так блекло, так неубедительно... Я видел, как старик Деплич заерзал на стуле. Он уже тогда понял, что все кончено.

Фогг помолчал с минуту, потом продолжил:

– И все-таки... не знаю. В каком-то отношении она поступила очень умно, воззвав к благородству. Тому самому странному благородству, из-за которого, наряду с приверженностью к жестоким забавам, большинство иностранцев считают нас великими притворщиками. Присяжные, как и все присутствующие, почувствовали, что у нее нет ни единого шанса. Она даже не могла бороться за себя. И уж, конечно, ей нечего было противопоставить такому безжалостному цинику, как старина Хампи. Это ее беспомощное «о нет, нет, я этого не делала» прозвучало просто жалко. С ней было покончено...

Тем не менее в некотором смысле она сделала лучший из возможных ходов. Присяжные удалились, но их совещание заняло лишь чуть больше получаса. Вердикт звучал так: «Виновна, но заслуживает снисхождения».

И вообще, она производила куда лучшее впечатление на фоне другой участницы процесса. Той самой девицы. Присяжные с самого начала прониклись к ней неприязнью. А ей хоть бы что, даже глазом не моргнула. Очень красивая, практичная, современная. Для женщин в зале суда она служила воплощением определенного типа – разрушительницы домашнего очага. Ни одна семья не может быть в безопасности, пока вокруг бродят такие девицы, сексуальные, презирающие права жен и матерей. Должен сказать, она себя не выгораживала. Была замечательно откровенна. Признавала, что влюбилась в Эмиаса Крейла, а он – в нее, и не испытывала ни малейших угрызений совести из-за того, что намеревалась увести его от жены и дочери.

Я даже восхищался ею в каком-то смысле. Смелости, решительности ей было не занимать. Деплич устроил ей жесткий перекрестный допрос, и она выстояла с честью. Но суд отнесся к ней без симпатии. И судье она не понравилась. Судьей был старик Эвис, сам любивший погулять в молодые годы, но ставший суровым моралистом после того, как облачился в судейскую мантию. Обращаясь с напутственным словом к присяжным, он был само милосердие. Отрицать факты

Эвис не мог, но от намеков на спровоцированность преступления и все такое не удержался.

- Так он не поддержал версию защиты о самоубийстве? - спросил Пуаро.

Фогг покачал головой.

- Эта версия не имела под собой никаких оснований. При этом я вовсе не хочу сказать, что Деплич не сделал всего, что было в его силах. Он был великолепен. Изобразил трогательный портрет любвеобильного, темпераментного мужчины, проникшегося вдруг страстью к милой девушке, терзаемого муками совести, но не способного устоять. Потом осознание случившегося, вины перед женой и дочерью, раскаяние - и внезапное решение покончить со всем этим! Благородный выход. Могу сказать, это была самая трогательная, самая волнительная часть спектакля. Голос Деплича вышибал слезы из глаз. Присутствовавшие видели несчастного, раздираемого страстями, но пытающегося сохранить благопристойность супруга. Эффект был поразительный. Да вот только когда Деплич умолк и чары рассеялись, этот выдуманный образ исчез. Он плохо соотносился с реальным Эмиасом Крейлом. Слишком хорошо его знали. Он был другим. А Деплич так и не привел ни единого доказательства в подтверждение своих слов. Крейла я назвал бы человеком, лишенным даже зачатков совести. Безжалостный, невозмутимый, довольный жизнью эгоист. Все его понятия о нравственности распространялись только на живопись. Уверен, ничто не склонило бы его написать небрежную, плохую картину. Что касается всего остального, то жизнь он любил во всех ее проявлениях и ни в чем себе не отказывал. Самоубийство? Нет, это не для него!

- Может быть, защита выбрала не лучший вариант?

Фогг пожал плечами.

- А что еще им оставалось? Сидеть сложа руки и твердить, что вина подсудимой не доказана и присяжным нечего рассматривать... Слишком много улик. Яд был у Каролины - сама же и призналась, что украла его. Средство, мотив, возможность - все в наличии.

- Может быть, стоило попытаться доказать, что все это было подстроено?

– Она почти все признала, почти со всем согласилась. В любом случае такой вариант выглядел бы притянутым за уши. Вы ведь, как я полагаю, намекаете на то, что кто-то еще убил Крейла и представил дело так, чтобы подозрение пало на его жену?

– Вы считаете такую версию необоснованной?

– Боюсь, что да, – медленно сказал Фогг. – Вы предполагаете существование некоего таинственного неизвестного. И где же нам искать его?

– Очевидно, в близком круге. Иметь отношение к делу могли пять человек, не так ли?

– Пять?.. Давайте посмотрим. Старый чудак, возившийся с травами и отварами. Увлечение опасное, но человек приятный. Хотя и несколько непонятный. В роли загадочного отравителя я его не вижу. Потом та самая девица. Избавиться от Каролины она бы могла, но Эмиаса убивать не стала бы. Дальше, да, биржевой маклер, лучший друг Крейла. В детективных романах тема популярная, но в реальной жизни я в такое не верю. Вот и всё... а, да, младшая сестра, но ее всерьез принимать не стоит. Получается четверо.

– Вы забыли гувернантку, – напомнил Пуаро.

– Да, верно. Бедняжки, вечно о них все забывают... Смутно, но припоминаю. Средних лет, ничем особенно не примечательная, компетентная. Какой-нибудь психолог сказал бы, что она воспылала к Крейлу запретной страстью, вследствие чего и убила его. Старая дева с подавленными комплексами! Но я в такое не верю, и, насколько могу судить по сохранившимся впечатлениям, неврастеничкой она не была.

– Времени прошло немало.

– Лет, наверное, пятнадцать или шестнадцать. Да, давненько это было... Ожидать от меня точности не стоит.

– Наоборот, вы на удивление хорошо все помните. Даже поразительно. Понимаете, да? Когда вы рассказываете, перед глазами как будто картина

встает.

- Вы правы, - медленно сказал Фогг. - Я действительно вижу... довольно ясно.

- Друг мой, мне было бы очень интересно узнать, почему.

- Почему? - задумчиво повторил Фогг, и его умное, тонкое лицо оживилось. - Действительно, почему?

- Кого вы видите так ясно? Свидетелей? Адвоката? Судью? Обвиняемую на скамье подсудимых?

- Конечно, вот она, причина, - негромко сказал Фогг. - Вы сами указали мне на причину. Я всегда вижу ее... Интересная это штука, любовь. В Каролине Крейл это было. Не знаю, была ли она по-настоящему красива. Уже немолода... усталый вид... круги под глазами... Но все строилось вокруг нее. И притом едва ли не половину всего времени ее словно и не было там. Она уходила куда-то далеко, и оставалось только тело - неподвижное, с внимательным выражением на лице и вежливой улыбкой на губах. Вся в полутонах, между светом и тенью. И при всем том она была живее той, другой - девушки с идеальным телом, красивым лицом и жестокой силой молодости.

Я восхищался Эльзой Грив - ее решительностью, характером, бойцовским духом, потому что она выдерживала все нападки мучителей и ни разу не дрогнула. Но я также восхищался и Каролиной Крейл, потому что она не сражалась, а отступила в свой мир полутеней и полусвета. Она не проиграла, потому что не играла. - Фогг помолчал. - В одном я уверен: Каролина убила того, кого любила. Любила так сильно, что вместе с ним умерла ее половина.

Он протер стекла очков.

- Боже мой, что я такое говорю!.. Я был в то время молод. Обычный амбициозный юнец. Такие вещи производят впечатление. Но все равно я несколько не сомневаюсь, что Каролина Крейл была в высшей степени замечательной женщиной. Нет, я никогда ее не забуду.

Глава 3

Молодой солиситор[7 - Солиситор – категория адвокатов, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами.]

Джордж Мейхью держался настороженно и на вопросы отвечал уклончиво.

Дело он, конечно, помнил, но смутно. Всем занимался отец, ему же тогда едва исполнилось девятнадцать.

Да, история наделала немало шума, ведь Крейл был человеком известным. И картины у него прекрасные. Две даже выставлены в галерее Тейт. Хотя, разумеется, это ничего не значит. И пусть месье Пуаро извинит, но что, собственно, его интересует? Ах, вот как, дочь! Неужели? Канада? Всегда вроде бы говорили о Новой Зеландии...

Джордж Мейхью немного расслабился. Выпрямился, расправил плечи.

Ужасное событие в жизни девушки. Он искренне ей сочувствует. Вероятно, было бы лучше, если б она никогда не узнала правды. Впрочем, что толку говорить об этом теперь...

Итак, она хочет знать? Да, но что именно знать? Отчеты о ходе процесса, конечно, есть. Сам-то он не знает практически ничего. Нет, насчет виновности миссис Крейл сомнений не возникло, хотя понять ее в чем-то можно. Жить с художниками так трудно... А Крейл, если он правильно помнит, постоянно путался то с одной женщиной, то с другой. Да и она сама была, наверное, из тех, у кого силен собственнический инстинкт. Такие принять факты просто не способны. В наше время она бы просто развелась с ним и все забыла.

– Позвольте, позвольте... э... та девушка в деле, это не леди Диттишем? – осторожно поинтересовался Мейхью.

Пуаро ответил, что, похоже, именно она.

– В газетах нет-нет да и вспоминают ту историю. Она ведь не раз судилась из-за разводов. Очень богатая женщина, как вы, полагаю, знаете. До Диттишема была

замужем за известным исследователем. Так или иначе, постоянно на виду и на слуху. Из тех женщин, для которых и дурная слава – тоже слава.

– Возможно, их привлекает не столько слава, сколько знаменитости, – предположил Пуаро.

Идея определенно пришлась Джорджу Мейхью не по вкусу, и встретил он ее с сомнением.

– Ну, может быть... да, – протянул он неуверенно.

– Ваша фирма долго занималась делами миссис Крейл? – спросил Пуаро.

Мейхью покачал головой:

– Нет. Адвокатами у Крейлов были «Джонатан и Джонатан». Когда это все случилось, мистер Джонатан решил, что не может должным образом защищать интересы миссис Крейл, и попросил моего отца взять дело на себя... Думаю, месье Пуаро, вам стоило бы договориться о встрече со старым мистером Джонатаном. От активной работы он отошел – ему за семьдесят, – но семью Крейл знал хорошо и мог бы рассказать вам намного больше, чем я. По правде говоря, мне и сказать-то нечего. Я ведь был тогда мальчишкой. Думаю, даже в суде не появлялся.

Пуаро поднялся, и Джордж Мейхью, тоже поднявшись, добавил:

– Возможно, не помешает поговорить еще и с Эдмундсом, нашим секретарем. Он служил тогда в фирме и очень интересовался этим делом.

* * *

В глазах Эдмундса светилась свойственная юристам настороженность. Заговорил он лишь после того, как смерил Пуаро внимательным, оценивающим взглядом.

– Да, дело Крейлов я помню. Некрасивая история. – Старик не спускал с детектива глаз. – Столько лет... не стоит ворошить прошлое.

– Вердикт суда – не всегда конец дела.

Эдмундс медленно кивнул.

– Я и не говорю, что вы не правы.

– У миссис Крейл осталась дочь, – продолжал Пуаро.

– Да, помню. Ее ведь отослали за границу, к родственникам?

– Дочь уверена в невиновности матери.

Тяжелые кустистые брови мистера Эдмундса подскочили вверх.

– Вот, значит, как?

– Можете ли вы сообщить мне что-либо, подтверждающее эту ее уверенность? – спросил Пуаро.

Эдмундс задумался. Потом медленно покачал головой.

– По правде говоря, нет. Я восхищался миссис Крейл. Что бы ни случилось, это была настоящая леди! Не то что та, другая. Бесстыжая, наглая девица. Выскочка, вот она кто. Что и подтверждала всем своим поведением! Миссис Крейл – само благородство.

– Но тем не менее убийца?

Эдмундс нахмурился и ответил с волнением, которого не выказывал прежде:

– Я сам задавал себе этот вопрос, день за днем. Она сидела там, на скамье подсудимых, такая спокойная, такая сдержанная... «Не верю», – снова и снова говорил я себе. Но, месье Пуаро, больше верить было нечему. Яд не мог случайно

попасть в пиво мистера Крейла. Его туда влили. И если не миссис Крейл это сделала, то кто?

– В этом-то и вопрос, – сказал Пуаро. – Кто?

Старик пытливо посмотрел на него.

– Так вот оно что...

– А вы сами что думаете?

– Ничего такого, что указывало бы на это, не было. Ничего, – сказал после паузы Эдмундс.

– Вы ведь присутствовали на слушаниях?

– Каждый день.

– Слышали показания свидетелей?

– Да.

– И ничего такого, что показалось бы вам странным или неискренним?

– Лгал ли кто-то из них? Вы это имеете в виду? Была ли у кого-то причина желать смерти мистеру Крейлу? Извините, месье Пуаро, но это отдает мелодрамой.

– И все-таки подумайте, – не сдавался детектив, глядя в прищуренные глаза старика.

Медленно, как будто с неохотой, Эдмундс покачал головой.

– Мисс Грир... Чувствовалась в ней озлобленность. Мстительность. Я бы сказал, что она позволяла себе лишнее, но мистер Крейл ей был нужен живым, а от мертвого какой толк? И да, она точно хотела, чтобы миссис Крейл повесили, но

только лишь потому, что смерть вырвала добычу у нее из рук. Разъяренную тигрицу, вот кого она мне напоминала. Но, повторяю, мистер Крейл был нужен ей живым. И мистер Филипп Блейк, он тоже был против миссис Крейл. Предвзято к ней относился. При каждом удобном случае вонзал в нее свой кинжал. Но он-то был по-своему честен. Лучший друг мистера Крейла. Его брат, мистер Мередит Блейк, свидетелем оказался плохим – нерешительным, невнятным. Как будто сомневался в своих же показаниях. Я подобных свидетелей немало повидал. Вроде и правду говорит, а выглядит так, словно лжет. Говорил мало, не хотел лишнего сказать. Но вытянули из него немало. Таких тихонь легко сбить с толку. А вот гувернантка держалась хорошо. Отвечала строго на вопрос, точно, по делу. Слушаешь ее и не знаешь, на чьей же она стороне. Голову не теряла, да. – Эдмундс помолчал. – Не удивлюсь, если она знала обо всем этом больше, чем сказала.

– Я тоже не удивлюсь.

Эркюль Пуаро бросил взгляд на морщинистое, проницательное лицо Альфреда Эдмундса. Лицо спокойное и бесстрастное. И все же он задумался: не удостоил ли старик его намеком.

Глава 4

Старый солиситор

Мистер Калеб Джонатан жил в Эссексе. В результате учтвого обмена письмами Пуаро получил приглашение, почти королевское по форме, отобедать и переночевать. Старый джентльмен определенно являл собой интересную личность. После пресного Джорджа Мейхью мистер Джонатан был как бокал старого портвейна из его собственных запасов.

К делу он подходил по-свойски и только ближе к полуночи, попивая ароматный старый бренди, выразил наконец желание высказаться на тему семьи Крейл, оценив на восточный манер вежливую сдержанность гостя, ни в коей мере его не торопившего.

– Наша фирма знает Крейлов на протяжении нескольких поколений. Я знал и Эмиаса Крейла, и его отца, Ричарда Крейла, и помню деда, Еноха Крейла. Все они были сквайрами и думали больше о лошадях, чем о людях. Прекрасно ездили верхом, любили женщин и не забивали голову идеями, к которым относились с недоверием. А вот у жены Ричарда Крейла идей оказалось даже больше, чем здравого смысла. Она увлекалась и поэзией, и музыкой, и сама играла на арфе. Не отличаясь хорошим здоровьем, весьма живописно смотрелась на диване. Была поклонницей Кингсли[8 - Кингсли Чарльз (1819–1875) – английский прозаик, представитель христианского социализма. Писал романы с исторической и социальной тематикой. В одном из самых его известных романов «Эй, на Запад!» главного героя зовут Эмиас.], поэтому, кстати, и сына назвала Эмиасом. Его отец находил это имя нелепым, но уступил жене.

Эмиасу Крейлу наследственность пошла на пользу. Художественный талант он взял от болезненной матери, энергию, целеустремленность и безжалостный эгоизм – от отца. Эгоистами были все Крейлы. Иной точки зрения, кроме их собственной, для них не существовало.

Постукивая по подлокотнику кресла изящным пальцем, старик испытующе посмотрел на Пуаро.

– Поправьте, если ошибаюсь, но, по-моему, вас интересует, скажем так, характер?

– Во всех расследованиях это мой первейший интерес, – ответил Пуаро.

– Понимаю. Стараюсь, если так можно выразиться, влезть в шкуру преступника... Интересно. Увлекательно. Наша фирма никогда не занималась уголовной практикой, поэтому мы сочли себя недостаточно компетентными, чтобы представлять миссис Крейл, хотя ничего не имели против. А вот фирма Мейхью вполне для этого подходила. Они обратились к Депличу – проявив, возможно, некоторый недостаток воображения, – он дорого стоил и, конечно, перебирал по части драматизма. Чего они не поняли, так это того, что Каролина никогда не станет играть так, как от нее хотят. Она не умела притворяться.

– Какой же она была? – спросил Пуаро. – Вот что мне хотелось бы знать.

– Да, конечно. Как она пришла к тому, что сделала? Это действительно вопрос наипервейшей важности. Я знал ее еще до замужества. Знал как Каролину Сполдинг. Несчастливая, импульсивная девочка. Очень живая, непоседливая. Мать рано овдовела, и Каролина была очень предана ей. Потом мать снова вышла замуж, появился еще один ребенок. Болезненное событие. Детская вспыльчивость, ревность...

– Она ревновала?

– Неистово. В результате случился некий прискорбный инцидент. Бедная девочка впоследствии горько раскаивалась в содеянном... Но знаете, месье Пуаро, такие вещи случаются. Некоторые не способны нажать на тормоза. Потом это приходит, со зрелостью.

– Так что же случилось? – спросил детектив.

– Она ударила ребенка, бросила в нее пресс-папье. Девочка ослепла на один глаз и осталась увечной. – Мистер Джонатан вздохнул. – Можете представить, какое впечатление произвел в суде заданный ей на этот счет вопрос. – Он покачал головой. – У присяжных создалось впечатление, что Каролина Крейл – женщина необузданного темперамента. Что, конечно, было не так. Каролина Сполдинг часто бывала и останавливалась в Олдербери. Она хорошо ездила верхом, была умна, сообразительна. Нравилась Ричарду Крейлу. Умело ухаживала за миссис Крейл, которая тоже прониклась к ней симпатией. Чувствуя себя неуютно дома, Каролина нашла счастье в Олдербери. Подружилась с сестрой Эмиаса, Дианой. В Олдербери часто бывали Блейки, Филипп и Мередит, жившие в соседнем поместье. Должен признаться, Филипп никогда мне не нравился – противный, жадный до денег... Но говорят, хороший рассказчик и имеет репутацию верного друга. Таких, как Мередит, в мое время называли сентиментальными, слабохарактерными. Травы и бабочки, птицы и животные – вот его интересы. В наше время это называется изучением природы. Боже мой, все эти молодые люди принесли лишь разочарование своим родителям. Ни один не соответствовал тому типу мужчины, для которого настоящие увлечения – это охота, рыбалка, стрельба. Мередит предпочитал наблюдать за зверями и птицами, а не охотиться на них. Филипп же отправился в город и занялся бизнесом, стал зарабатывать деньги. Диана вышла замуж за человека, который не был джентльменом, – он стал офицером на войне. И даже Эмиас, сильный, красивый, храбрый, сделался – подумать только! – художником. На мой взгляд, Ричард Крейл умер от разочарования.

Время шло. Эмиас женился на Каролине Сполдинг, и хотя они постоянно ссорились и бранились, то был, несомненно, брак по любви. Оба жить не могли друг без друга. Но Эмиас, как и все Крейлы, был законченным эгоистом. Да, он любил жену, но никогда и ни в чем с ней не считался. Поступал так, как ему заблагорассудится. На первом месте у него стояло искусство.

И, должен сказать, никогда не случилось такого, чтобы искусство уступило место женщине. Хотя романы у него были, и они его стимулировали, но все кончалось, как только это ему надоедало. Эмиас не был ни сентиментальным, ни романтиком и даже сластолюбцем. Женщины, за исключением Каролины, ничего для него не значили. Она это знала и поэтому со многим мирилась. Не забывайте, он был прекрасным художником. Каролина понимала это и ценила. Эмиас пускался в очередное любовное приключение и неизменно возвращался – обычно с картиной, как с оправданием за отлучку. Наверное, так продолжалось бы и дальше, если б не Эльза Грир. Эльза Грир... – Мистер Джонатан покачал головой.

– И что же Эльза Грир? – спросил Пуаро. Такого ответа он не ожидал.

– Бедняжка. Бедняжка...

– Для вас она – бедняжка?

– Может быть, из-за того, что я постарел, месье Пуаро, но есть в юных беззащитность, которая трогает меня до слез. Юность так уязвима... Так жестока... Так самоуверенна... Так великодушна и так требовательна...

Старик поднялся, подошел к книжному шкафу, взял с полки томик, раскрыл, полистал страницы и прочел вслух:

И думаешь о браке – завтра утром

Ты с посланной моею дай мне знать,

Где и когда обряд свершить ты хочешь, —

И я сложу всю жизнь к твоим ногам

И за тобой пойду на край Вселенной[9 - Шекспир У. «Ромео и Джульетта», пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.].

Словами Джульетты здесь говорит любовь, повязанная с молодостью. Говорит открыто, ничего не тая, без какой-либо так называемой девичьей скромности. В этих словах бесстрашие, упорство, безжалостная сила юности. Шекспир знал, какова юность. Джульетта выбирает Ромео. Дездемоне нужен Отелло. Юные не ведают сомнений, страха, гордости.

- По-вашему, словами Джульетты говорила Эльза Грир? - задумчиво сказал Пуаро.

- Да. Юная, красивая, богатая - таких называют баловнями судьбы. Она нашла себе супруга и заявила на него права. Не на юного Ромео, а на немолодого и женатого художника. Ее не сдерживали никакие правила, она руководствовалась девизом нашего времени: «Бери что хочешь - ибо живешь только раз!».

Мистер Джонатан вздохнул, откинулся на спинку кресла и постучал пальцем по подлокотнику.

- Хищница Джульетта... Молодая, беспощадная, но ужасно ранимая! Она ставит все на один дерзкий бросок. И даже вроде бы выигрывает, но в последний момент на сцену выступает смерть и... жизнерадостная, пылкая, счастливая Эльза умирает. Остается мстительная, холодная, жестокая женщина, всей душой ненавидящая ту, чья рука отняла у нее все.

Голос у него изменился.

- Боже, боже... Простите меня за это отступление в мелодраму. Грубая, незрелая молодая женщина... с примитивным взглядом на жизнь. Не самый интересный, на мой взгляд, персонаж. «Юности белая роза, страстная, нежная...» Отнимите это, и что останется? Довольно заурядная молодая женщина, ищущая другого героя для опустевшего пьедестала.

- Не будь Эмиас Крейл знаменитым художником... - произнес Пуаро.

– Совершенно верно, – мгновенно согласился с ним мистер Джонатан. – Вы уловили самое главное. В нашем мире такие, как Эльза, поклоняются героям. Мужчина должен что-то сделать, должен быть кем-то. Каролина могла бы разглядеть достоинство и благородство и в банковском служащем, и в страховом агенте. И Эмиас Крейл был дорог ей как человек, а не как художник. В отличие от Эльзы Грир, Каролина не была груба. Но она была молода, красива и, на мой взгляд, бесконечно трогательна.

В глубокой задумчивости, размышляя над проблемой личности, Пуаро отправился спать.

В глазах Эдмундса, секретаря фирмы, Эльза Грир была дерзкой, бесстыжей девицей. Не больше и не меньше.

Мистер Джонатан представлял ее вечной Джульеттой.

А Каролина Крейл?

Все относились к ней по-разному. Деплич презирал ее за нежелание бороться. Молодой Фогг видел в ней выражение романтизма. Для Эдмундса она была просто «леди». Мистер Джонатан называл Каролину импульсивной, непоседливой.

А что бы сказал о ней он, Эркюль Пуаро?

От ответа на этот вопрос, как он чувствовал, зависел успех расследования.

Пока что ни один из тех, кого видел Пуаро, не сомневался в том, что кем бы ни была Каролина Крейл, в первую очередь она – убийца.

Глава 5

Суперинтендант полиции

Отставной суперинтендант Хейл задумчиво попыхтел трубкой.

- Забавное занятие вы себе нашли, месье Пуаро.

- Возможно, немного необычное, - осторожно согласился тот.

- Это ведь так давно было, - добавил Хейл.

Как и предчувствовал Пуаро, эта фраза уже начала немного ему надоедать.

- Да, это, конечно, осложняет дело, - мягко заметил он.

- Ворошить прошлое. Если б в этом была какая-то цель...

- Цель есть.

- Какая?

- Поиск правды сам по себе может доставлять удовольствие. Мне это нравится. И не забывайте о юной леди.

Хейл кивнул.

- Да, ее я понять могу. Но извините, месье Пуаро, вы же человек с воображением. Могли бы сочинить для нее правдоподобную историю.

- Вы не знаете ее.

- Ох, перестаньте, с вашим-то опытом...

Пуаро выпрямился.

- Может быть, mon cher[10 - Мой дорогой (фр.)], я и впрямь искусный и умелый лжец - похоже, именно так вы и думаете, - но у меня другое представление об этичном поведении. У меня свои стандарты.

– Извините, месье Пуаро, не хотел задеть ваши чувства. Но это была бы, если можно так выразиться, ложь во благо.

– Интересно. Вы действительно так считаете?

– Большое несчастье для невинной, готовящейся выйти замуж девушки узнать, что ее мать – убийца, – медленно сказал Хейл. – На вашем месте я пошел бы к ней и сказал, что это было все-таки самоубийство. Что Деплич не справился с защитой. Сказать, что, по-вашему, сомнений быть не может и Крейл покончил с собой.

– Но в том-то и дело, что у меня полно сомнений! Даже на минуту я не могу поверить, что Крейл отравился. Неужели вы считаете такой вариант действительно возможным?

Хейл покачал головой.

– Вот видите. Нет, мне нужна правда, а не ложь, пусть даже очень правдоподобная.

Хейл повернулся и посмотрел на Пуаро. Его квадратное красноватое лицо побагровело и даже как будто стало еще более квадратным.

– Вы говорите о правде. Хотел бы с полной ясностью заявить вам, что в деле Крейла мы установили правду.

– Это ваше заявление очень важно, – быстро сказал Пуаро. – Я знаю вас как честного человека и настоящего профессионала. А теперь скажите, возникали ли у вас в какое-либо время сомнения в виновности миссис Крейл?

Суперинтендант ответил твердо и без колебаний:

– Ни малейших сомнений, месье Пуаро. Все обстоятельства, все улики, каждый факт, который мы раскрывали в ходе следствия, – все подкрепляло эту точку зрения.

– Вы можете перечислить мне собранные против нее доказательства?

– Могу. Получив ваше письмо, я еще раз просмотрел материалы дела. – Он взял со стола блокнот. – Я изложил здесь все значимые улики.

– Благодарю, мой друг. Я весь внимание.

Хейл откашлялся. В голосе его зазвучали официальные нотки.

– Восемнадцатого сентября, в два часа сорок пять минут пополудни, инспектор Конуэй принял звонок от доктора Эндрю Фоссета. Доктор Фоссет сообщил, что констатировал внезапную смерть мистера Эмиаса Крейла из Олдербери и что, принимая во внимание обстоятельства смерти и заявление некоего мистера Блейка, присутствовавшего в доме в качестве гостя, счел необходимым привлечь к делу полицию.

Не теряя времени, инспектор Конуэй отправился в Олдербери вместе с сержантом и полицейским врачом. Доктор Фоссет встретил их там и отвел к телу мистера Крейла, находившемуся в том же положении, в котором оно и было обнаружено.

В тот день мистер Крейл работал в небольшом, огороженном зубчатой стеной саду, открытом со стороны моря и известном как Батарейный сад, по причине наличия у одной из бойниц миниатюрной пушки. От дома сад находился на расстоянии четырех минут ходьбы. На ланч мистер Крейл не пошел, поскольку хотел добиться определенного эффекта света на камнях, который был бы невозможен позднее по причине изменения положения солнца. В саду он остался один. Согласно показаниям, такое случалось и раньше. Мистер Крейл не придерживался какого-либо установленного расписания в приеме пищи. Иногда ему приносили сэндвич, но чаще всего он предпочитал не отвлекаться. Последними его видели живым мисс Эльза Грир (гостила в доме) и мистер Мередит Блейк (ближайший сосед).

Эти двое вместе поднялись к дому и, присоединившись к остальным, проследовали на ланч. После ланча на террасу подали кофе. Выпив свой, миссис Крейл сказала, что спустится в сад «посмотреть, как там дела у Эмиаса». Гувернантка, мисс Сесилия Уильямс, тоже поднялась из-за стола. Она искала пуловер своей ученицы, мисс Анжелы Уоррен, сестры миссис Крейл, который та позабыла где-то, и полагала, что он остался на берегу.

По тропинке через рощу женщины спустились к калитке, откуда можно было пройти либо в сад, либо дальше, к берегу. Миссис Уильямс продолжила путь по тропинке, а миссис Крейл вошла в Батарейный сад. Почти сразу же мисс Уильямс услышала крик миссис Крейл и немедленно вернулась. Мистер Крейл полулежал на скамейке. Он был уже мертв.

Подчинившись настойчивой просьбе миссис Крейл, гувернантка вышла из Батарейного сада и поспешила к дому, чтобы позвонить доктору. По пути ей встретился мистер Мередит Блейк, которому она и передала поручение, а сама вернулась к миссис Крейл, которой могла потребоваться помощь.

Доктор Фоссет прибыл на место через четверть часа. Он сразу увидел, что мистер Крейл мертв уже некоторое время, и определил, что смерть наступила в промежутке от часа до двух пополудни. Ничего такого, что указывало бы на причину смерти, доктор не обнаружил. Видимые раны отсутствовали, в позе мистера Крейла не было ничего странного.

Тем не менее доктор Фоссет, наблюдавший за состоянием здоровья мистера Крейла и хорошо знавший об отсутствии у него каких-либо заболеваний и недомоганий, отнесся к случившемуся со всей серьезностью. Вот тут свое заявление и сделал мистер Филипп Блейк.

В этом месте суперинтендант сделал паузу, перевел дух и перешел, если можно так выразиться, ко второй части своего повествования.

– Позднее мистер Блейк повторил это заявление инспектору Конуэю. Суть его сводилась к следующему. Утром ему позвонил брат, мистер Мередит Блейк, проживавший в поместье Хэндкросс-Мэнор, в полутора милях от дома Крейлов.

Мистер Мередит Блейк был химиком-любителем или, если точнее, травником. Войдя утром того дня в лабораторию, он с удивлением обнаружил, что бутылка с экстрактом болиголова, бывшая полной накануне, теперь почти пуста. Встревоженный этим фактом, мистер Мередит Блейк позвонил брату и спросил, что же ему теперь делать. Тот потребовал, чтобы брат как можно скорее пришел в Олдербери, где они все обсудят. Сам же отправился навстречу ему, так что в дом они явились вместе. Никакого общего решения относительно линии поведения брата не приняли и договорились обсудить все еще раз после ланча.

В результате дальнейших расспросов инспектор Конуэй установил следующие факты.

Накануне из Олдербери в Хэндкросс-Мэнор к послеполуденному чаю пожаловали пять человек – мистер и миссис Крейл, мисс Анжела Уоррен, мисс Грир и мистер Филипп Блейк. За то время, что гости находились в доме, мистер Мередит выступил перед ними с небольшим докладом о своем увлечении, провел их в свою маленькую лабораторию и «все там показал». В ходе этой экскурсии он также упомянул определенные препараты, в том числе кониин, алкалоид болиголова пятнистого.

Рассказав о главных свойствах кониина и высказав недоумение в связи с тем, что его исключили из фармакопеи, мистер Мередит отметил действенный лечебный эффект при таких заболеваниях, как коклюш и астма. Потом он упомянул и о смертельных свойствах препарата, и даже прочитал отрывки из сочинения какого-то греческого автора, описавшего действие яда.

Суперинтендант Хейл помолчал, заново набил трубку и перешел к третьей части.

– Главный констебль[11 - Должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.], полковник Фрер, поручил расследование мне. Вскрытие установило причину смерти и не оставило места для сомнений. Кониин, насколько я понял, не оставляет определенных посмертных следов, но доктора знали, что искать, и обнаружили кониин в значительном количестве. По их мнению, яд дали за два-три часа до смерти. На столе перед мистером Крейлом стояли пустые стакан и бутылка из-под пива. Их взяли на анализ. В бутылке ничего не нашли, а в стакане обнаружили кониин. Оказывается, в небольшой летней беседке в Батарейном саду всегда стоял ящик пива и стаканы, на случай если мистер Крейл захочет пить во время работы. В то утро миссис Крейл самолично принесла из дома бутылку свежего охлажденного пива.

Когда она пришла, Эмиас Крейл работал, а мисс Грир позировала, сидя на выступе стены. Миссис Крейл открыла бутылку, налила пиво и протянула стакан мужу, стоявшему перед мольбертом. Он выпил его, как обычно, залпом, соорудил гримасу, поставил стакан на стол и сказал: «Сегодня у всего противный вкус». Услышав это, мисс Грир рассмеялась: «Это из-за печени!» «Хорошо, что хотя бы холодное», – проворчал мистер Крейл.

Хейл снова остановился.

– В какое время это случилось? – спросил Пуаро.

– В четверть двенадцатого. Мистер Крейл продолжал работать. По словам мисс Грир, позднее он пожаловался на онемение в руках и ногах и предположил, что виной тому приступ ревматизма. Будучи не из тех, кто признается в болезнях и недомоганиях, он не стал, однако, жаловаться на плохое самочувствие. Раздраженное требование оставить его в покое и нежелание пойти со всеми на ланч дают верное, на мой взгляд, представление об этом человеке.

Пуаро кивнул.

– Итак, Крейл остался один в Батарейном саду. Когда все ушли, он, по всей видимости, опустился на скамью и расслабился. Потом наступил мышечный паралич. Помочь было некому, последовала смерть.

Пуаро снова кивнул.

– Дальше я действовал согласно установленному порядку. Установить факты не составило труда. Выяснилось, что накануне между миссис Крейл и мисс Грир произошла серьезная стычка. Последняя позволила себе высокомерно заметить, что переставит в доме мебель, когда будет там жить. «Что вы имеете в виду?» – спросила миссис Крейл. «Не притворяйтесь, будто не понимаете, что я имею в виду», – ответила мисс Грир. – Вы как тот страус, который прячет голову в песок. Вам прекрасно известно, что мы с Эмиасом любим друг друга и собираемся пожениться». «Ничего такого я не знаю», – сказала миссис Крейл. «Что ж, теперь знаете», – последовал ответ. В этот момент в комнату вошел мистер Крейл, и его жена повернулась к нему со словами: «Это правда, Эмиас, что ты собираешься жениться на Эльзе?»

– И что же сказал мистер Крейл? – полюбопытствовал Пуаро.

– Похоже, он повернулся к мисс Грир и крикнул что-то вроде: «Какого черта ты здесь болтаешь? Неужели ума не хватает подержать язык за зубами?» На это мисс Грир заявила: «Думаю, Каролине стоит знать правду».

«Это правда, Эмиас?» – спросила у мужа миссис Крейл.

Он не ответил, даже не посмотрел на нее и, отвернувшись, пробормотал что-то.

«Отвечай, – потребовала она. – Я должна все знать».

«Ну да, как бы правда, но я не хочу обсуждать это сейчас». С этими словами он вылетел из комнаты, а мисс Грир сказала: «Теперь видите!» – и добавила что-то в том духе, что не надо вести себя как собака на сене, что всем нужно оставаться здравомыслящими людьми и что Эмиас и Каролина, как она надеется, останутся добрыми друзьями.

– И что же миссис Крейл? – с нетерпением спросил Пуаро.

– Согласно показаниям свидетелей, она рассмеялась, бросила: «Через мой труп, Эльза» – и направилась к двери. «Что вы хотите этим сказать?» – крикнула ей вслед мисс Грир. Миссис Крейл оглянулась и произнесла: «Я скорее убью Эмиаса, чем отдам его тебе». – Хейл помолчал. – Весьма компрометирующее заявление, а?

– Да... – Пуаро задумчиво кивнул. – Кто при этом присутствовал?

– В комнате были мисс Уильямс и Филипп Блейк. Оба оказались в неловкой ситуации.

– Их показания совпадали?

– Были очень близки. Такого, чтобы два свидетеля одинаково вспомнили одно и то же событие, не бывает. Вы, месье Пуаро, знаете это не хуже меня.

Тот задумчиво кивнул.

– Да, будет интересно узнать... – Он не договорил.

– Я распорядился провести обыск в доме – и в спальне миссис Крейл, в нижнем ящике комода, нашли под зимними чулками пустой флакон из-под жасминовой воды. Я снял с него отпечатки пальцев, и они принадлежали миссис Крейл.

Анализ показал незначительное присутствие масла жасмина – и концентрированного раствора гидробромида кониина. Я предупредил миссис Крейл по всей форме и показал флакон. Она не стала запереться и объяснила, что была расстроена и, услышав рассказ мистера Мередита Блейка о цикуте, проскользнула в лабораторию, опорожнила флакон с жасминовым маслом, который был у нее с собой, и заполнила его раствором кониина. Я спросил, зачем она это сделала, и она ответила: «Не хочу говорить о некоторых вещах больше, чем необходимо, но я пережила сильный шок. Мой муж вознамерился уйти от меня к другой женщине. Если б это случилось, я предпочла бы умереть. Поэтому и взяла яд».

– Что ж, так вполне могло быть, – сказал, воспользовавшись паузой, Пуаро.

– Возможно, месье Пуаро. Но это не сходится с тем, что она говорила, когда ее подслушали. А потом была еще одна сцена, на следующее утро. Часть разговора слышал мистер Филипп Блейк, другую – мисс Грир. Сам разговор между мистером и миссис Крейл состоялся в библиотеке. Мистер Блейк находился в коридоре и уловил пару фрагментов. Мисс Грир сидела снаружи, неподалеку от открытого окна библиотеки, и слышала намного больше.

– И что же они слышали?

– Мистер Блейк слышал, как миссис Крейл сказала: «Ты и твои женщины. Убила бы... И когда-нибудь убью».

– И ни слова о самоубийстве?

– В том-то и дело. Ничего. Ничего вроде «только попробуй, и я покончу с собой». Примерно то же слышала и мисс Грир. Согласно ее показаниям, мистер Крейл сказал: «Постарайся отнестись к этому разумно. Я люблю тебя и всегда буду желать тебе добра. Тебе и ребенку. Но я собираюсь жениться на Эльзе. И мы с тобой давно договорились, что не будем ограничивать свободу друг друга». На это миссис Крейл ответила так: «Очень хорошо, только не говори потом, что я тебя не предупреждала». «Ты о чем?» – спросил он. «Я люблю тебя и не намерена терять. Я скорее убью тебя, чем позволю уйти к этой девице».

Пуаро покачал головой.

– Мне представляется, – сказал он, – что со стороны мисс Грир было неразумно поднимать этот вопрос. Миссис Крейл могла бы легко отказать мужу в разводе.

– У нас есть показания на этот счет, – заметил Хейл. – Похоже, миссис Крейл призналась кое в чем мистеру Мередиту Блейку. Он был ее давним верным другом и очень расстроился из-за скандала, а после полудня, уловив момент, коротко поговорил с мистером Крейлом. В разговоре мистер Блейк деликатно укорил друга и сказал, что будет крайне огорчен, если брак Крейлов разрушится столь печальным образом. Он также подчеркнул, что мисс Эльза Грир – очень юная особа, и вмешивать ее в бракоразводный процесс едва ли благоразумно. На это мистер Крейл ответил с ухмылкой, демонстрирующей его жестокость и черствость: «У Эльзы свои представления. Появляться в суде она не планирует. Уладим все как обычно».

– Тем более неосмотрительно со стороны мисс Грир делать такие опрометчивые заявления.

– Вы же знаете женщин! – сказал суперинтендант Хейл. – Всегда готовы вцепиться друг дружке в горло... В любом случае ситуация сложилась нелегкая. Непонятно, как мистер Крейл мог такое допустить. Если верить мистеру Мередиту Блейку, больше всего на свете он хотел закончить картину. Вы видите во всем этом какую-то логику?

– Да, друг мой, думаю, что вижу.

– А вот я – нет, не вижу. Получается, он сам искал для себя неприятностей.

– Возможно, мистер Крейл был очень недоволен юной особой, бездумно позволившей себе такие откровения.

– Это да. Мередит Блейк так и сказал. Уж если так хотел закончить портрет, почему бы не сделать несколько фотографий и работать с ними? Я знаю одного парня – пишет пейзажи акварелью, – он именно так и делает.

Пуаро покачал головой.

– Нет, нет. Я понимаю Крейла как художника. И вы, друг мой, должны понять, что для него в то время только картина и была важна. Как бы ни хотел Крейл жениться на девушке, портрет значил для него больше. Вот почему он надеялся закончить работу прежде, чем об их отношениях станет известно. Мисс Грир, разумеется, видела все иначе. У женщин на первом месте всегда любовь.

– Мне ли не знать, – с чувством сказал суперинтендант Хейл.

– У мужчин все по-другому, – продолжал Пуаро, – особенно у художников.

– Художники! – суперинтендант презрительно фыркнул. – Все эти разговоры об искусстве... Никогда этого не понимал и никогда не пойму. Вы бы видели ту картину, что написал Крейл. Все скособоченное. Девушка у него выглядит так, будто у нее зубы болят, а стена кривая. Даже просто смотреть неприятно. Эта картина долго потом у меня перед глазами стояла. Даже снилась. Мало того, мне повсюду стали видаться стены и зубцы... Да, и женщины, конечно!

Пуаро улыбнулся.

– Друг мой, сами того не сознавая, вы только что воздали должное величии искусства Эмиаса Крейла.

– Чепуха. Почему человек не может нарисовать что-нибудь милое и приятное глазу? Зачем так стараться, мучиться, чтобы в результате выдать уродство?

– Некоторые из нас, mon cher, находят красоту в престранных местах.

– Та девушка выглядела очень даже неплохо, – заметил Хейл. – Макияжа многовато, а одежды почти ничего. Неприлично девушкам в таком виде разгуливать. И не забывайте, это же было шестнадцать лет назад. В наше время никто на это внимания не обратил бы, но тогда – да, меня это шокировало. Брюки, холщовая рубашка с открытым воротом – и ничего больше!

– Вижу, вам эти детали хорошо запомнились, – с лукавой улыбкой заметил Пуаро.

Суперинтендант Хейл покраснел.

– Я просто передаю свои тогдашние впечатления, – сухо сказал он.

– Конечно, конечно, – успокоил его детектив. – Итак, главными свидетелями, давшими показания против миссис Крейл, были Филипп Блейк и Эльза Грир?

– Да. И оба высказывались очень резко. Также обвинение вызвало в качестве свидетеля и гувернантку. Ее показания произвели большее впечатление, чем тех двоих. Видите ли, она была полностью на стороне миссис Крейл. Сражалась за нее. Но, как честная женщина, излагала все, как было, не пытаясь ничего изменить.

– А Мередит Блейк?

– Вся эта история ужасно его расстроила. А как иначе! Бедняга винил себя – ведь яд приготовил он. Мало того, коронер тоже предъявил ему претензии, поскольку кониин значится в Списке Один Закона о ядовитых веществах. Мистер Мередит удостоился самого резкого порицания, а поскольку состоял в дружеских отношениях с обеими сторонами, то и удар получился для него вдвойне болезненным. К тому же сельскому джентльмену, всегда избегавшему публичного внимания, такого рода известность совсем ни к чему.

– Младшая сестра миссис Крейл давала показания?

– Нет, в этом не было необходимости. Она не слышала угроз сестры в адрес мужа и не могла сообщить ничего такого, что мы не узнали бы от других. Она видела, как миссис Крейл подходила к холодильнику и брала оттуда бутылку охлажденного пива, и, конечно, защита могла бы вызвать ее в суд, чтобы она сказала, что миссис Крейл сразу же отнесла бутылку вниз и ничего в нее не подливала. Но этот факт не имел значения, поскольку мы никогда и не утверждали, что в бутылке с пивом был кониин.

– Как же миссис Крейл удалось влить яд в стакан, а двое свидетелей ничего не заметили?

– Во-первых, они не смотрели. Мистер Крейл работал и смотрел на портрет мисс Грир. Она же позировала, сидя практически спиной к миссис Крейл, и смотрела в сторону мистера Крейла.

Пуаро кивнул.

– Вот я и говорю, что ни один из них на миссис Крейл не смотрел. Яд был у нее в пипетке – такой штуковине, которыми пользуются, чтобы заправлять чернилами авторучки. Осколки ее мы нашли на тропинке к дому.

– У вас на все есть ответ, – проворчал Пуаро.

– Перестаньте, месье Пуаро! Давайте без предвзятости. Она угрожает убить его. Крадет яд из лаборатории. Пустой флакон находят в ее комнате, и отпечатки пальцев на нем только ее. Она берет бутылку пива и несет ему в сад – любопытный факт, если вспомнить, что они как бы не разговаривают друг с другом...

– Очень интересная деталь. Я уже взял ее на заметку.

– Да. Тоже показательный момент. С чего бы вдруг такая любезность? Он пьет и жалуется на неприятный вкус – вкус у кониина действительно отвратительный. Далее она устраивает так, что сама находит тело и отправляет гувернантку позвонить по телефону. Зачем? Чтобы стереть свои отпечатки с бутылки и стакана, а затем прижать его пальцы. Потом уже можно придумать историю о том, что он раскаялся и, терзаясь угрызениями совести, покончил с собой. Вполне правдоподобно.

– Воображения здесь определенно не хватило.

– Я вам так скажу – она даже не потрудилась что-то сочинить. Ненависть и ревность помutilи рассудок. Об одном только и думала: как бы его убить. Только потом, когда все кончено, она наконец приходит в себя, видит его мертвым и внезапно осознает, что совершила убийство, а за убийство вешают. И тогда она в отчаянии хватается за единственное, что приходит в голову, – за версию самоубийства.

– То, что вы говорите, звучит вполне убедительно, – сказал Пуаро. – Ее мысли действительно могли пойти в этом направлении.

– В некотором смысле убийство было предумышленным и не было им. Знаете, я не верю, что она в самом деле все продумала. На мой взгляд, у нее что-то вроде затмения случилось.

– Интересно... – пробормотал Пуаро.

Хейл с любопытством посмотрел на детектива.

– Так я убедил вас, месье, что дело простое и ясное?

– Почти. Не совсем. Есть пара любопытных моментов...

– Можете предложить альтернативное решение? Такое, чтобы оно было логичным и убедительным?

– Что делали в то утро остальные? Кто где находился?

– Мы занимались этим, уверяю вас. Проверили каждого. Того, что можно назвать алиби, не было ни у кого – в делах с отравлением так обычно и бывает. Что, например, может помешать убийце дать намеченной жертве яд в капсуле и сказать, что это лекарство от несварения, которое нужно принять перед ланчем, а потом уехать в другой конец Англии?

– Но вы же не думаете, что в нашем деле имело место нечто подобное?

– Мистер Крейл не страдал от несварения. И в любом случае я ничего такого здесь не вижу. Действительно, мистер Мередит Блейк имел обыкновение рекомендовать свои снадобья как панацею от всех хворей, но не похоже, чтобы мистер Крейл пробовал какое-то из них. А если бы пробовал, то, скорее всего, рассказал бы об этом, да еще и шутку отпустил бы.

К тому же зачем мистеру Мередиту Блейку желать смерти мистеру Крейлу? Все указывает на то, что они были в хороших отношениях. Как и все прочие. Мистер Филипп Блейк был его лучшим другом.

Мисс Грир была в него влюблена. Мисс Уильямс, как представляется, не одобряла его поведение, но моральное порицание не ведет к отравлению.

Маленькая мисс Уоррен частенько ссорилась с ним – трудный возраст, да еще и школа впереди, – но оба они любили друг друга. В этом доме к ней все относились с особенной заботой и вниманием. Вы, наверное, уже слышали. Девочка сильно пострадала, когда была еще ребенком, от руки миссис Крейл, которая ранила ее в приступе ярости. Показательный эпизод, говорящий о том, как плохо она контролировала себя. Наброситься на ребенка, изувечить на всю жизнь!..

– Эпизод, показывающий, что Анжела Уоррен могла затаить зло на Каролину Крейл.

– Возможно, но не на Эмиаса Крейла. К тому же миссис Крейл была очень привязана к сводной сестренке – приютила ее после смерти родителей, заботилась и, как говорят, баловала. Девочка определенно ее любила. От суда ее держали подальше, ограждали по мере возможности от новостей, и, как я понимаю, особенно на этом настаивала миссис Крейл. Но девочка ужасно расстроилась и просила, чтобы ее отвели в тюрьму – повидаться с сестрой. Миссис Крейл разрешения не дала. Сказала, что такое свидание может плохо отразиться на психологическом состоянии. Позднее устроила так, чтобы Анжелу отдали в школу за границей.

Хейл помолчал.

– Мисс Уоррен многого добилась в жизни. Путешествует по всяким необычным местам. Выступает с лекциями в Королевском географическом обществе и все такое.

– И никто не вспоминает о суде?

– Во-первых, у нее другая фамилия. Даже девичьи фамилии у них разные. Они ведь сестры по матери, но не по отцу. Девичья фамилия миссис Крейл – Сполдинг.

– Мисс Уильямс, чьей она была гувернанткой?

– Анжелы. У ребенка была няня, но мисс Уильямс и с малышкой проводила небольшие уроки.

– Где в то время была девочка?

– Няня как раз повезла ее к бабушке, леди Трессильян. Та уже овдовела и сама потеряла двух маленьких дочерей, так что очень привязалась к внучке.

– Понятно, – Пуаро кивнул.

– Что касается других людей, находившихся в тот день в доме Крейлов, – продолжал Хейл, – то об их передвижениях я могу вам рассказать.

Мисс Грир после завтрака сидела на террасе, возле окна библиотеки. Там, как я уже сказал, она и подслушала разговор между Крейлом и его женой. Потом вместе с Крейлом спустилась в Батарейный сад и позировала ему до ланча, прервавшись пару раз, чтобы размяться.

Филипп Блейк остался после завтрака в доме и слышал, как ругались Крейлы. Когда Эмиас и мисс Грир ушли в сад, он читал газету, пока ему не позвонил брат. Они встретились на берегу и вместе направились к дому по тропинке, проходившей мимо сада. Также в дом отправилась и мисс Грир – стало прохладно, и она решила взять пуловер. Миссис Крейл осталась с мужем – обсудить приготовления к отъезду Анжелы в школу.

– А, дружеская беседа...

– Нет, далеко не дружеская. Крейл, насколько я понял, кричал на жену из-за того, что его беспокоят по мелочам. Как я понимаю, она хотела внести ясность в какие-то вопросы на случай возможного развода.

Пуаро кивнул.

– Братья перекинулись несколькими словами с Эмиасом, но тут пришла и заняла свое место на стене мисс Грир. Крейл снова взялся за кисть, ясно давая понять, что они лишние. Филипп и Мередит поняли намек и направились к дому. Кстати, еще когда братья были в Батарейном саду, Эмиас Крейл пожаловался, что пиво теплое, и жена пообещала прислать ему охлажденное.

– Ага!

– Вот именно – ага! Она выглядела слаще сахара. Братья поднялись к дому и сели на террасе. Миссис Крейл и Анжела Уоррен принесли им туда пиво. Немного позже Анжела отправилась купаться, а Филипп Блейк составил ей компанию.

Мерedit Блейк спустился на полянку, где стояла скамья. Оттуда он видел мисс Грир у стены и слышал ее голос. Он сидел там, обдумывал неприятный случай с конином, тревожился и не знал, что делать. В какой-то момент Эльза заметила его и помахала рукой.

Услышав сигнал к ланчу, Мерedit Блейк прошел в Батарейный сад и уже оттуда вместе с мисс Грир направился к дому. Тогда же он заметил, что Крейл выглядит очень странно, но не придавал этому значения. Эмиас был из тех мужчин, которые никогда не болеют, и никому в голову не пришло, что ему нездоровится. С другой стороны, иногда на него находило, и тогда, если работа шла не так, как ему хотелось бы, он либо впадал в отчаяние, либо злился и бушевал. В такие моменты его следовало или оставить в покое, или по крайней мере стараться говорить с ним как можно меньше.

Вот то, что касается этих двоих.

Что до остальных, то слуги занимались домашними делами и подготовкой к ланчу. Мисс Уильямс провела часть утра в классной комнате, где проверяла тетради, а потом, захватив с собой рукоделие, отправилась на террасу. Анжела Уоррен гуляла утром по саду, лазала на деревья и лакобилась всем, что попадалось под руку, – сливами, кислыми яблоками, незрелыми грушами. В общем, вела себя как и полагается девочке пятнадцати лет. Потом она вернулась домой и, как я уже сказал, пошла с Филиппом Блейком на берег, успев искупаться до ланча.

Тут суперинтендант Хейл остановился и с вызовом посмотрел на Пуаро.

– Итак, что в этом представляется вам сомнительным?

– Ничего, – ответил тот. – Совершенно ничего.

– Ну вот!

Два слова – и как много сказано...

– Но все равно, – продолжал детектив, – я намерен убедиться в этом сам.

– И что же вы собираетесь делать?

– Я собираюсь повидать этих пятерых и услышать историю каждого из них.

Суперинтендант Хейл печально и глубоко вздохнул.

– Да вы рехнулись! Разумеется, их версии не совпадут. Неужели вы не понимаете? Это же элементарно. Вы не найдете и двух человек, которые сошлись бы в описании одного порядка действий. Тем более столько времени прошло... Вы получите пять рассказов о пяти разных убийствах!

– На это я и рассчитываю, – сказал Пуаро. – Будет над чем подумать.

Глава 6

Первый поросенок на рынок пошел

Узнать Филиппа Блейка было нетрудно – он выглядел точь-в-точь как описал его Монтегю Деплич. Преуспевающий, проникательный, бодрый, слегка склонный к полноте.

Встретиться договорились в половине седьмого субботнего вечера. Филипп Блейк только что прошел восемнадцать лунок и закончил игру победителем, выиграв у противника пять фунтов. Теперь он пребывал в благодушном настроении и был настроен поболтать.

Эркюль Пуаро представился и объяснил цель визита. В данном случае он никак не выказал неукротимого стремления к незапятнанной истине. Из его объяснений Филипп Блейк понял, что речь идет о серии книг, посвященных громким преступлениям. Он нахмурился.

– Господи, кому это нужно?

Пуаро пожал плечами. Сегодня он всячески выставлял свою чужестранность и был готов терпеть презрение, но только в паре со снисходительностью.

– Публике. Она такое... да, проглатывает.

– Вампиры, – сказал Филипп Блейк, но прозвучало это добродушно, без брезгливости и отвращения, которые мог бы продемонстрировать человек более чувствительный.

Пуаро снова пожал плечами.

– Такова человеческая природа. Мы с вами, мистер Блейк, знаем мир и не питаем иллюзий в отношении наших близких. Большинство из них неплохие люди, но идеализировать их определенно не стоит.

– С иллюзиями я расстался уже давно, – с чувством заметил Блейк.

– Но, говорят, вы очень хороший рассказчик анекдотов.

– А! – Глаза у маклера заблестели. – Вот этот слышали?

В нужном месте Пуаро рассмеялся. Анекдот не отличался глубиной, но был вполне забавный.

Филипп Блейк откинулся на спинку кресла и расслабился. В уголках глаз проступили морщинки, и Пуаро вдруг подумал, что он напоминает довольного собой и жизнью поросенка.

Первый поросенок на рынок пошел...

Что же он собой представляет, этот Филипп Блейк? Человек, у которого, похоже, нет никаких забот. Преуспевающий, самодовольный. Ни покаянных мыслей, ни уколов совести за прошлое, ни тревожащих неотступных воспоминаний. Откормленный поросенок, который отправился на рынок и хорошо заработал...

Но когда-то, наверное, Филипп Блейк был другим. Молодым, приятной наружности. Глаза, конечно, и тогда были небольшие и близковато посажены, но в прочих отношениях вполне симпатичный, представительный молодой человек. Сколько ему сейчас? Предположительно, от пятидесяти до шестидесяти. Значит, тогда ему было около сорока. Еще не такой раздобревший, не столь увязший в мимолетных удовольствиях. Просивший от жизни больше и получавший, наверное, меньше.

– Вы, конечно, понимаете мое положение, – пробормотал, рассчитывая на удачу, Пуаро.

– Вообще-то, знаете ли, нет. – Брокер вдруг выпрямился, во взгляде промелькнула живость и острота. – Почему вы? Вы же не писатель?

– Нет, не писатель. Я – детектив.

Пожалуй, никогда еще эта реплика не звучала в исполнении Пуаро с такой скромностью.

– Ну конечно. И мы все это знаем. Знаменитый Эркюль Пуаро!

Насмешливая нотка все же проступила. Будучи англичанином до мозга костей, Филипп Блейк не мог всерьез принимать претензии иностранца. Своим приятелям он сказал бы так: «Забавный чудака. Полагаю, женщины принимают его фокусы на „ура“».

Хотя именно на такое, саркастично-покровительственное отношение и рассчитывал Пуаро, тон и реплика биржевого маклера задела его за живое. Он, Эркюль Пуаро, не произвел впечатления на этого удачливого дельца! Скандал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

И все же... (фр.)

2

Ну хорошо (фр.).

3

Вперед (фр.).

4

Назад (фр.).

5

Барристер – юрист (адвокат), ведущий дела в суде.

6

Королевские адвокаты – особая категория юристов, назначаемых короной.

7

Солиситор – категория адвокатов, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами.

8

Кингсли Чарльз (1819–1875) – английский прозаик, представитель христианского социализма. Писал романы с исторической и социальной тематикой. В одном из самых его известных романов «Эй, на Запад!» главного героя зовут Эмиас.

9

Шекспир У. «Ромео и Джульетта», пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

10

Мой дорогой (фр.).

11

Должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/pyat-porosyat-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)